УДК: 327.51:316.42 DOI: 10.12737/23989

МИЛИТАРИЗМ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ: ТРАНСФОРМАЦИИ ПОСТБИПОЛЯРНОЙ ЭПОХИ

Цыбаков Д. Л., Моисеев В. В.[1]

В статье рассматриваются актуальные проблемы обеспечения международной и национальной безопасности в XXI столетии. Авторы рассматривают влияние процесса милитаризации мировой политики на международные отношения в постбиполярном мире. Уточняются политическое содержание милитаризма и его типичные признаки и формы внешнего выражения. Определяется характер изменения политики милитаризма ведущих мировых держав в условиях глобализации и постбиполярности. Авторы заключают, что специфика трансформации милитаризма эпохи глобализации состоит в том, что данный феномен приобретает транснациональный характер. Милитаризация связывает между собой ранее разнородные субъекты международных отношений и способствует началу эскалации насилия в различных странах и регионах планеты. Обосновывается необходимость формулирования приоритетов противодействия милитаризации международных отношений со стороны Российской Федерации.

Ключевые слова: мировая политика, постбиполярный мир, глобализация, милитаризм, милитаризация, национальная безопасность, национальные интересы, вооруженный конфликт.

MILITARISM IN WORLD POLITICS: TRANSFORMATION OF THE POST-BIPOLAR ERA

TSYBAKOV D. L. – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Political Science and Public Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel branch (Russian Federation, Orel)

MOISEEV V. V. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Sociology and Management, Belgorod State Technological University named after. Shukhov V. G (Russian Federation, Belgorod)

The article considers the problems of ensuring international and national security in the XXI century. The authors examine the influence of the process of militarization of world politics on international relations in the post-bipolar world. Political content of militarism and its typical characteristics and forms of external expression are specified. The nature of the changes in policy of militarism of world powers in the context of globalization and postbipolarity is determined. The authors conclude that the specificity of transformation of militarism in the era of globalization is that the phenomenon acquires a transnational character. The militarization connects the previous disparate subjects of international relations and contributes to the beginning of the escalation of violence in various countries and regions of the world. The conclusion about the need for understanding the impact of the ideology and practice of militarism in the political sphere of international relations and implementation of foreign policy strategies of global and regional powers is made. The necessity of formulation of priorities of countering the militarization of international relations of the Russian Federation is substantiated.

Keywords: world politics, post-bipolar world, globalization, militarism, militarization, national security, national interests, armed conflict.

Цыбаков Дмитрий Леонидович – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и государственной политики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Среднерусский институт управления, адрес: 302028, Россия, г. Орел, б. Победы, д. 5а; e-mail: d413839@yandex.ru

Моисеев Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и управления, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, адрес: 308012 Россия, г. Белгород, ул. Костюкова, д. 46, e-mail:

Одной из актуальных проблем российской и зарубежной политической науки и экспертной деятельности в настоящее время остается определение сущности процесса милитаризации мирового сообщества, охватывающего практически все стороны современной жизнедеятельности. Особенно востребованным как в теоретическом, так и в прикладном аспектах следует признать осмысление влияния идеологии и практики милитаризма на развитие политической сферы международных отношений.

Во все исторические периоды имела место диалектика процесса милтаризации: с одной стороны, потребности государственной политики требовали подчинения общественных ресурсов целям военно-политического экспансионизма или национальной обороны. С другой стороны, происходило распространение принципов, методов и приемов вооруженной борьбы за пределы собственно сферы военного искусства, когда милитаризованное измерение социальной действительности становилось доминирующим вектором внешнеполитических стратегий мировых и региональных держав.

Таким образом, милитаризация, выступая внешним выражением сущности феномена милитаризма, в широком смысле может означать деформацию политики, фетишизацию вооруженного насилия, когда его правила, методы и нормы проецируются на политические формы противоборства. В то же время оценка наиболее известных событий международной политики последних десятилетий приводит к выводу, что идеологи современной милитарной политики готовы отказаться от наиболее откровенных и неприемлемых для мирового общественного мнения форм военно-политического экспансионизма. Поэтому в условиях глобализации, где тенденции гуманизации и демократизации международных отношений сталкиваются и вступают в противоречие с попытками принудительно построить и легитимизировать «новый мировой порядок», со стороны научного сообщества необходима концентрация исследовательского интереса для определения многогранной и сложной трансформации современного милитаризма.

Для выработки внешнеполитической стратегии Российской Федерации крайне важно определить сущность современного представления, скорректировать научные представления о его политической природе. Не секрет, что попытки России отстоять свои национальные интересы, закрепить за собой статус мировой державы – операция «по принуждению к миру» Грузии в 2008 г., поддержка волеизъявления народа Крыма в 2014 г. или содействие законному правительству Сирии в борьбе с джихадистскими мятежниками – вызывают активное противодействие геополитических соперников нашей страны. Одним из приемов дискредитации внешнеполитической линии России являются попытки представить ее как инициатора ремилитаризации международных отношений по лекалам «холодной войны». Ввиду этого необходимо научное обоснование необходимости реализации жесткой, прагматичной политики национальной безопасности современной России, позволяющей сохранить баланс между международным правом и применением потенциала военной мощи при защите ее интересов в глобализирующемся мире.

Прежде чем обратиться к рассмотрению трансформации милитаризма в условиях постбиполярности, надлежит привести традиционные для общественно-политической мысли трактовки политического содержания и характера указанного феномена. В основном они сходятся к признанию следующих приоритетных форм выражения сущности милитаризма. Во-первых, милитаризм интерпретируют как совокупность политических мер по подготовке будущих войн и вооруженных конфликтов, когда, по мысли Ф.Энгельса, армия и военные

нужды становятся главной потребностью государства[1]. Во-вторых, под милитаризмом понимают государственную идеологию, оправдывающую курс на внешнюю экспансию, обосновывающую необходимость наращивания военной мощи и ее использования при решении международных конфликтов.

В-третьих, сущность милитаризма проявляется в специфической форме массового сознания, мировоззрения, духовного мира, основанного на воинственном измерении окружающего мира. Согласно определению Ю.С. Курочкина, "Милитаризм – форма, образ жизни и бытия государств и народов, в самосознание которых внедрено понимание самореализации себя и государства посредством насилия и жертвенности ради него"[2]. Схожая трактовка принадлежит авторству Ю. Киршина, подчеркивающего, что милитаризм как духовный фактор, как практические действия выступает универсальным явлением, образом жизни человечества[3].

Общим местом для выводов, сделанных относительно классического милитаризма, характерного для индустриального общества и периода двухполярного мира, было признание главенства военно-технических интересов при принятии политических решений, а также широкое проникновение военных ценностей в невоенные сферы социальной жизнедеятельности. В наступившую постбиполярную эпоху функционирование и развитие милитаризма обусловлены как общими законами развития социальных явлений, так и специфическими закономерностями, которые зависят от связей и контактов основных сфер жизнедеятельности социума с военным делом. Рассматриваемому феномену присущи ключевые признаки систем социальной природы: целостность и устойчивость цели, качественное разнообразие компонентов, их структурно-иерархическая организация, наличие функциональной взаимообусловленности элементов, влияние движущих сил развития системы, наличие управляющего центра[4]. Как системное социальное явление милитаризм естественным образом способен трансформироваться, то есть в буквальном значении – развиваться, осуществлять переход из одного состояния в другое.

Авторский подход заключается в определении милитаризма как комплексного многостороннего феномена политики, который имеет многообразные варианты выражения. Милитаризм может рассматриваться как система, совокупность взаимосвязанных военных, социально-экономических, правовых и идеологических мер, применяемых в контексте обеспечения основанной на военной силе международной экспансии, а также для разрешения наиболее актуальных внешне- и внутриполитических противоречий.

Приведенная трактовка милитаризма отразила многие объективные стороны данного феномена, однако в постбиполярном мире для него характерны принципиальные трансформации. Особенность эволюции милитаризма эпохи глобализации состоит в том, что перечисленные процессы закономерно приобретают транснациональный характер, связывая между собой ранее разнородные субъекты международных отношений и способствуя милитаризации политики в различных странах и регионах планеты.

После завершения «холодной войны» в политической мысли на некоторое время возобладали идеи о возможности умиротворения мирового политического процесса, основанные

[1] Энгельс Ф. Анти-Дюринг / К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 20. – М.: Государственное изд-во политической литературы, 1964. – С. 175.

[2] Курочкин Ю.С. Экономическая война. – Новосибирск, 2001. – С. 73.

[3] Киршин Ю.Я. Сущность и содержание современных войн. http://nvo.ng.ru/concepts/2013-06-21/1_wars.html [Дата обращения: 22.09.2016].

[4] Милитаризм – угроза миру и цивилизации. М. : Наука , 1987. – С.123.

на признании наступления эры «конца истории», обоснованной в известном концепте Ф.Фукуямы. Тому имелись вполне веские основания. Всеобъемлющее военно-политическое и идеологическое противостояние между советским и атлантическим блоками поставило цивилизацию перед угрозой ядерной катастрофы. Стал очевиден крах традиционной политики милитаризма с ее ориентацией на подготовку к полномасштабной войне, которой в целом придерживались обе стороны противостояния. Крушение социалистического лагеря во главе с СССР создало убеждение о бесперспективности очередного витка конфронтации планетарного масштаба. Среди политических и интеллектуальных элит стал распространяться скептицизм относительно возможностей милитаризации.

Однако в постбиполярную эпоху проявили себя объективные предпосылки нарастания международной военно-политической напряженности, породив принципиальные трансформации милитаризма. Среди них следует выделить влияние факторов политико-экономического, социально-технологического и политико-идеологического характера. Прежде всего заслуживает поддержки вывод академика С.Ю. Глазьева о том, что смена технологических укладов и циклов накопления приводит к структурной перестройке хозяйственной сферы на основе принципиально новых технологий и механизмов воспроизводства капитала[1]. В XXI столетии это провоцирует обвальную дестабилизацию системы международных отношений, обусловливает очередные попытки формирования «нового мирового порядка», приводя к противоборству между претендентами на гегемонию на мировом рынке.

Череда финансово-экономических кризисов мирового масштаба, возникших на фоне глобализации планеты в конце XX – начале XXI столетия вызвала нарастание конфликтогенности как в стратегических, так и в периферийных районах ойкумены, породив новые вызовы и угрозы единому пространству безопасности.

Предпосылки милитарных трансформаций социально-технологического происхождения заключаются в качественном преобразовании обоюдного воздействия гражданского общества и военной организации государства друг на друга. Сторонники организационного подхода в теории военно-гражданских отношений (Л. Шарк, О. Граски, М. Яновиц) отмечали тождество технологических сторон функционирования военных и невоенных организаций, ведущее к слиянию военных и гражданских институтов. Как аргументировал российский исследователь В.К. Белозеров, в современных условиях стремительно исчезает грань между военной и иными разновидностями социальной деятельности[2]. Закономерно, что наряду с вовлечением в сферу политики безопасности достижений, практик гражданского общества возможно и обратное воздействие военной политики на социально-политическую реальность и международные отношения.

Предпосылки политико-идеологического характера состоят в сохранении и воспроизводстве идейных и моральных обоснований вероятных агрессивных войн и военной экспансии. Идеологический вакуум, возникший в результате дискредитации коммунистической доктрины, был за короткое время заполнен воинствующими идеологиями националистического и религиозного толка. Кроме того, А. Панарин констатировал, что в постиндустриальном обществе имеет место перераспределение милитаристской активности государственного уровня, где она воспроизводится в мировоззренческих установках военнослужащих и примыкающих к ним социальных группах, на уровень жизнедеятельности гражданского общества либеральных демократий[3].

---

[1] Глазьев С. Речь о неотложных мерах по отражению угроз существованию России//БизнесOnline. Деловая электронная газета Татарстана (Электроный ресурс). https://www.business-gazeta.ru/text/140998/. [Дата обращения: 22.10.2016].

[2] Белозеров В.К. Политический феномен военной деятельности. – М.: Атиссо, 2009. – С.262.

[3] Панарин А.С. Агенты глобализма : главы из книги // Москва. – 2000. – № 1. – С. 138–151.

Таким образом, наличие перечисленных предпосылок стимулировало трансформационные процессы, благодаря чему идеологи и вдохновители экспансионистского курса смогли в значительной степени преодолеть кризис милитаризма как инструмента достижения политического господства. Были пересмотрены цели и задачи военно-политической экспансии, определены и легитимизированы в общественном мнении вызовы, угрозы и вероятные противники атлантической цивилизации, сформулированы приоритеты принудительного построения «нового мирового порядка» при помощи потенциала «обновленного» милитаризма.

В результате в постбиполярном мире проявляют себя не менее двух известных и ранее вариантов милитаризованной внешней политики государств и их союзов.

Первый из них основан на абсолютизации военно-технологического аспекта во внешней экспансии. Превосходство над политическими антагонистами обеспечивается за счет наращивания гонки вооружений и военных технологий, разработок методик их применения. В современных условиях задачи устрашения вероятного противника обеспечивают «Концепция быстрого глобального удара», разрабатываемая в США, развертывание системы Национальной противоракетной обороны, распространение гонки вооружений на космос и киберпространство. Во втором варианте политика милитаризма нацелена на контроль над стратегическими регионами земного шара. Именно для этого ведется борьба за месторождения стратегического сырья, транспортные узлы и коммуникации. Установление контроля над ними затем используется в качестве ресурса закрепления геополитической гегемонии.

Таким образом, существенное значение для распространения теории и практики военно-политического экспансионизма может иметь тенденция устранения принципиального различия между военными и невоенными формами политической борьбы на мировой арене. Продолжившееся внедрение военных приемов и средств в систему международных отношений способствовало перемещению военно-политической нестабильности с глобального на региональный и локальный уровни. Например, одним из районов нестабильности остается Евразийское пространство, конфликтный потенциал которого прежде в течение столетий сдерживался благодаря реализации российского, а затем и советского имперских проектов.

Следует выделить отличие классических вариантов милитаризации от той эволюционной модели, которая в постбиполярную эпоху в значительной мере смогла преодолеть кризис инструментальной функции милитаризма и занять доминирующее положение в мировой политике. Напомним, что традиционный милитаризм, характерный для агрессивных держав XX столетия, открыто противопоставлял себя геополитическим конкурентам и всему мировому сообществу. Целью экспансии выступали прямые территориальные захваты, культивировалось национальное, социальное, расовое или религиозное превосходство, в массовое сознание внедрялись радикальные идеологии.

Модели милитаризма, присущие ведущим акторам постбиполярного мира, имеют принципиальны отличия, обусловленные всесторонней эволюцией рассматриваемого феномена. Во-первых, существенно преобразился так называемый «внутренний милитаризм». Благодаря институтам и практикам демократического общества в странах Запада оказались исчерпаны ресурсы для его сохранения в государственном выражении, а энергетика насилия западных обществ в значительной степени была спроецирована вовне – против так называемых «стран–изгоев». Во-вторых, истинные цели экспансионистской политики в странах Запада камуфлируются декларациями гуманитарного порядка. Государству или иному социально-политическому субъекту, который оказался объектом военно-политической экспансии, не предъявляется территориальных претензий или притязаний на аннексию стратегически важных районов. В-третьих, место радикальных идейных доктрин на официальном уровне атлантических держав заменили идеологии, эксплуатирующие проблемы общечеловеческих ценностей.

Поэтому и в условиях постбиполярности не утратил свое значение вывод, сделанный на закате «холодной войны»: милитаризм из инструмента внешней политики превратился в силу, ее детерминирующую, формирующую международные отношения, диктующую систему ее приоритетов и ключевых проблем[1].

Доминирующим фактором, влияющим на характер современной милитаризации, выступает изменение статуса субъектов данного процесса, которые принимают и реализуют решения о целях, средствах и способах политики военного экспансионизма. По традиции основными движущими силами и источниками милитаризации назывались военно-политические блоки, военная элита, военно-промышленный комплекс, военизированные общественные объединения и союзы, воинственные идеологи и клерикальные круги, средства массовой информации. В настоящее время все более изменяется толкование источника и субъекта процесса милитаризации, которых не следует отождествлять исключительно с армией, военно-промышленным комплексом, корпоративными группами военных. Конкуренцию последним все чаще составляют транснациональные монополии, экспертные центры или так называемые «фабрики мысли» (корпорация «РЕНД», Фонд Брукгинса, Гуверовский институт и многие другие), частные военные компании и организации, сетевые экстремистские сообщества.

Поскольку военный экспансионизм, составляющий политическую сущность милитаризма, можно отнести к категории военно-политических универсалий, характер и содержание рассматриваемого явления будут оставаться имманентными. В их основе – нацеленность на насильственное изменение существующего мирового порядка. В то же время милитаризму, свойственна и способность к мимикрии своих внешних проявлений в зависимости от сочетания внешних и внутренних условий и факторов. Вместо войны в ее привычном варианте, когда на поле боя сталкивались регулярные армии суверенных государств, приходят неконвенциональные вооруженные конфликты между разнородными субъектами. Причем нередко более слабый из них оказывается способен на равных противостоять куда более оснащенной военной машине[2].

Как следует из проведенного в рамках настоящей работы анализа, радикальный характер преобразований в военном деле и международной политике, имеющий место в эпоху глобализации, приводит к принципиальной эволюции взаимоотношений гражданского и военного секторов международных отношений. Не одно десятилетие наблюдается их конвергенция, приводящая к формированию нового, постиндустриального типа милитаризма. Последний ориентируется преимущественно не на подготовку к полномасштабной войне с целью колониальных захватов, а на стратегию непрерывной конфронтации с неугодными политическими режимами и негосударственными субъектами политики. Приоритет при этом отдается как военным аспектам достижения гегемонии, так и применению всего потенциала достижений экономики, культуры, информатизации и других областей жизнедеятельности для достижения целей военного экспансионизма. «Обновленный» или «гуманизированный» современный милитаризм снимает моральные и юридические ограничения на развитие военной мощи государств, на протяжении длительного времени провозглашавших политику военно-политического нейтралитета. В данном контексте следует воспринимать намерения по вступлению в НАТО Швеции, Финляндии, Черногории, пересмотр антивоенных положений Конституции Японии.

---

[1] Арбатов Г.А. Милитаризм и современное общество. // Милитаризм и современное общество. – М.: Международные отношения, 1987. – С. 5.; Примаков Е. М. Ближний Восток: дальнейшая милитаризация политики США // Свободная мысль. – 2010. – № 6 (1613). – С. 137–151.

[2] Кревельд М. Трансформация войны. − М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – С.34.

Безусловно, в мировой политике сохраняются и воспроизводятся традиционные и даже реликтовые формы и типы милитаризма. Многие политические режимы региональных держав и «малых государств» – Югославии, Ирака, Ливии, Сирии, Йемена оказались в состоянии национальной катастрофы во многом благодаря приверженности классическому милитаристскому курсу. Близка к подобной перспективе и современная Украина. Несмотря на это, милитарная политика, фактически неотличимая по своему содержанию от аналогов XX столетия, продолжает определять внешнеполитическую линию многих государств «второго» и «третьего» миров. Турция, Иран, Пакистан, ближневосточные монархии и их сателлиты из числа квазигосударственных образований Ближнего и Среднего Востока по-прежнему делают упор на упрочение своего статуса в мире за счет обращения к прямым формам насилия и откровенного идеологического оправдания военно-политической экспансии.

Подводя итог, отметим, что милитаризм постбиполярной эпохи вызывает очевидные последствия для национальной безопасности России, формирует комплекс вызовов и угроз для ее жизненных интересов в XXI веке. Анализ последствий влияния милитаризации на национальную безопасность Российской Федерации показывает, что вероятность снижения уровня защищенности ее национальных интересов требует поиска адекватных ответных мер со стороны военно-политического руководства и экспертного сообщества.

Будучи одним из главных субъектов современного миропорядка, Россия оказывается перед необходимостью определения своей позиции относительно обращения к милитаризму как к ресурсу внешнеполитической стратегии. Решительные действия Российской Федерации в деле защиты коллективной и национальной безопасности вызывают острую ответную реакцию со стороны ее противников и конкурентов. Активность Российского государства на международной арене встречает жесткое политико-дипломатическое и информационно-пропагандистское противодействие, призванное представить его в качестве основного актора современной милитаризации. Необходимо учитывать, что, в отличие от стран евроатлантического сообщества, Россия в силу своего уязвимого геополитического положения, протяженности и открытости своих внешних границ крайне уязвима со стороны таких угроз, как международный терроризм, сепаратизм и этноконфессиональная напряженность.

Данное обстоятельство, на наш взгляд, является определяющим в выборе методов и средств милитаризма для парирования вызовов и угроз в постбиполярном мире. Однако, несмотря на рост военных приготовлений и возрастающую роль военной мощи в российской внешней политике, руководство Российской Федерации не разрабатывает и не проводит курса на глобальную экспансию. В основе последней, как правило, должна лежать идеология, преследующая вселенские цели и обосновывающая цели полного переустройства прежнего мирового порядка. Внешняя политика России, наоборот, предельно деидеологизирована. В отличие от государств Атлантической цивилизации, руководствующихся идеями переформатирования мирового сообщества на принципах насильственного демократического транзита, политика в сфере обороны и безопасности Российской Федерации носит ясный, прагматический и соответствующий международному праву характер. Целью России на международной арене является достижение многополярного мира с сохранением баланса сил между его основными субъектами.

В то же время «политический класс» современной России в ближней перспективе с большой долей вероятности столкнется с соблазном приобщения к милитаристским акциям Запада. Происходящая в конце второго десятилетия XXI века смена правящих элит ведущих атлантических держав вновь корректирует облик современного милитаризма. Вместо поборников глобализма, склонных к полной унификации постбиполярной цивилизации в политическом и социокультурном отношении, к власти в США и странах Западной Европы

приходят условные «консерваторы-традиционалисты», движимые прежде всего своими национальными, государственными интересами. С их стороны вполне ожидаемы геополитические реверансы в сторону России с целью вовлечения ее оборонного потенциала в борьбу с вызовами, исходящими со стороны погрузившегося в хаос войн и революций «третьего мира».

Целесообразно поставить вопрос об отношении российской общественной мысли к идее милитаризации, возможности использования ее потенциала для решения задач обеспечения национальной безопасности. Необходимо найти аргументы, позволяющие обеспечить поддержку со стороны гражданского общества задач реализации «жесткого курса» во внешнеполитической стратегии Российской Федерации. Ключевое значение в стратегии обеспечения национальной безопасности будет иметь создание отечественной версии концепта «умной силы», совмещающего гуманитарные и силовые методы внешней политики.

Библиография/Referensec:

1. Арбатов Г.А. Милитаризм и современное общество // Милитаризм и современное общество. – М.: Международные отношения, 1987. – 239 с.

2. Белозеров В.К. Политический феномен военной деятельности. – М.: Атиссо, 2009, – 392 с.

3. Глазьев С. Ю. Речь о неотложных мерах по отражению угроз существованию России // БизнесOnline. Деловая электронная газета Татарстана. – URL: https://www.business-gazeta.ru/text/140998/. (Дата обращения: 22.10.2016).

4. Киршин Ю.Я. Сущность и содержание современных войн. – URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2013-06-21/1_wars.html (Дата обращения: 22.09.2016).

5. Кревельд М. Трансформация войны. − М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 344 с.

6. Курочкин Ю.С. Экономическая война. – Новосибирск, Сибирское университетское издательство, 2001. – 1192 с.

7. Милитаризм – угроза миру и цивилизации. – М.: Наука, 1987. – 365 с.

8. Панарин А.С. Агенты глобализма: главы из книги // Москва. – 2000. – № 1. – С. 138–151.

9. Примаков Е. М. Ближний Восток: дальнейшая милитаризация политики США // Свободная мысль. – 2010. – № 6 (1613). – С. 137–151.

10. Энгельс Ф. Анти-Дюринг / К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 20. – М.: Государственное изд-во политической литературы, 1964.

1. Arbatov, G.A. (1987) Militarizm i sovremennoe obshchestvo [Military and modern society] // Militarizm i sovremennoe obshchestvo. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniia. – 239 p. (In Russ.)

2. Belozerov, V.K. (2009) Politicheskii fenomen voennoi deiatel'nosti [The political phenomenon of the military activity]. – M.: Atisso, – 392 p. (In Russ.)

3. Glaz'ev, S. Iu. Rech' o neotlozhnykh merakh po otrazheniiu ugroz sushchestvovaniiu Rossii [Speech on urgent measures to counter threats to the existence of Russia] // BiznesOnline. Delovaia elektronnaia gazeta Tatarstana [BiznesOnline. Business electronic newspaper of Tatarstan]. – URL: https://www.business-gazeta.ru/text/140998/. (Data obrashcheniia: 22.10.2016). (In Russ.)

4. Kirshin, Iu.Ia. Sushchnost' i soderzhanie sovremennykh voin [The essence and content of modern warfare]. – URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2013-06-21/1_wars.html (Data obrashcheniia: 22.09.2016). (In Russ.)

5. Krevel'd, M. (2005) Transformatsiia voiny [Transformation of War]. − M.: Al'pina Biznes Buks. – 344 p. (In Russ.)

6. Kurochkin, Iu.S. (2001) Ekonomicheskaia voina [The economic war]. – Novosibirsk, Sibirskoe universitetskoe izdatel'stvo, 2001. – 1192 p. (In Russ.)

7. Militarizm – ugroza miru i tsivilizatsii [Militarism - a threat to peace and civilization]. – M.: Nauka, 1987. – 365 p. (In Russ.)

8. Panarin ,A.S. (2000) Agenty globalizma: glavy iz knigi [Agents of globalism: the head of the book] // Moskva [Moscow]. – № 1. – P. 138–151. (In Russ.)

9. Primakov, E. M. (2010) Blizhnii Vostok: dal'neishaia militarizatsiia politiki SShA [. Middle East: the further militarization of US policy] // Svobodnaia mysl' [Free Thought]. – № 6 (1613). – P. 137–151. (In Russ.)

10. Engel's, F. (1964) Anti-Diuring / K. Marks i F. Engel's. Sochineniia. T. 20. – M.: Gosudarstvennoe izd-vo politicheskoi literatury. (In Russ.)